

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран
Воронежского государственного университета

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
И НАЦИОНАЛИЗМ
В ТРАНЗИТНЫХ ОБЩЕСТВАХ
(ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ)**

Аннотация:

В статье автор отмечает, что в развитии национальной идентичности и памяти история играет особую роль, которая актуализируется в транзитных обществах. История тесно переплетается с национализмом. Националистические интеллектуалы стремятся формировать и предлагать обществу исторические нарративы в националистической системе координат. Подобная активность националистов приводит к различным последствиям. Она содействует развитию канонов исторического исследования и политизации историографии.

Ключевые слова:

историография, национализм, историческая память, историческая политика.

Kirchanov Maxim Valeryevich

D.Phil. in History, Associate Professor,
Regional Studies and Foreign Countries'
Economy Subdepartment,
Voronezh State University

**HISTORICAL MEMORY
AND NATIONALISM OF
TRANSITIVE SOCIETIES:
PROBLEMS OF INTERACTION**

Summary:

History plays a special role in the development of national identity and memory. This role of history is especially relevant in the transitive societies. The history is closely intertwined with the nationalism. The nationalist intellectuals aspire to provide the society with the historical narratives in the nationalist terms. This activity of the nationalists lead to various consequences. It contributes to diffusion of standards of a historical research and encourages the politicization of the historiography.

Keywords:

historiography, nationalism, historical memory, historical policy.

В транзитных обществах проблемы исторической памяти и национальной истории на протяжении длительного времени сохраняют свою актуальность. История является мощным мобилизационным ресурсом как в деле разрушения старых политических режимов, так и создания новых институтов, призванных санкционировать демократический опыт и придавать легитимность новым режимам. Процессы политического транзита неизбежно сопровождаются фрагментацией общества. Нередко линией расхождения является национальная история, точнее – отношение к историческому прошлому со стороны представителей различных политических сил.

В ситуации перехода от авторитаризма к демократии, осложненного не только объективными социально-экономическими трудностями, но и усложненного историческими спекуляциями и ростом национализма, интеллектуалы в Украине, России и Польше вынуждены признавать, что история относится к числу политизированных наук. Склонность к политически выверенным оценкам прошлого на постсоветском пространстве самым тесным образом связана со значительными тенденциями к ревизии и пересмотру ранее доминировавших схем написания истории. В этом отношении постсоветские историографии изначально ревизионистские. Новейший исторический ревизионизм, по мнению некоторых российских и зарубежных историков, проявляется в следующем: «с распадом СССР и образованием новых государств люди стали пересматривать прежние представления о самих себе, столкнулись с сосуществованием старых и новых идентичностей, в том числе национальных. Это вызвало кризис самосознания и далеко не всегда рационально контролируемые политические проекции, связанные с отрицанием *ancien regime* и его политической и социокультурной системы» [1].

Политизация истории, таким образом, в современной Восточной и Центральной Европе – регионе с многочисленными и нерешенными национальными противоречиями – фактически неизбежна. Немецкий историк Харальд Вельцер полагает, что политизация истории связана со спецификой восприятия прошлого. По мнению Х. Вельцера, прошлое не исчезло, «не прошло, оно продолжает жить на уровне чувств, на уровне самосознания, на уровне политических ориентаций, только не как история с ее фактичностью, а как продукт интерпретаций» [2]. Именно подобная многочисленность интерпретаций прошлого, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями историков и публицистов, фактически делает бессмысленными попытки написания некой объективной истории. Падение авторитарных режимов, фактическая реабилитация национализма, национализация исторической памяти, сокращение роли авторитарных левых идеологий – все эти

факторы привели к тому, что задача написания единой истории утратила свою актуальность на фоне привлекательной перспективы написания многочисленных национальных историй.

«Историю издавна использовали для легитимации власти, доказательства благородства происхождения, нахождения общего языка между различными социальными или национальными общностями или утверждения национального превосходства» [3], – подчеркивают российские исследователи И.М. Савельева и А.В. Полетаев, указывая на политизацию истории. Политизация истории часто имеет место в условиях политических переходов и трансформаций, в результате распада многонациональных государств. Факт исчезновения империй или мультиэтнических авторитарных режимов свидетельствует о том, что постепенно размывается некогда общая и единая история: «каждый народ помнит и чувствует эту историю по-своему. Национальная память по-своему перерабатывает и осмысляет общий опыт. И поэтому у каждого народа – свой XX век» [4]. В подобной ситуации установилось доминирование множественных памятей, некогда общая история усилиями интеллектуалов в новых странах подвергается национализации. В связи с подобными процессами венгерский историк Габор Дьяни подчеркивает, что в транзитных обществах нередко формируется «культ национального прошлого» [5].

Этот факт неоднократно констатировался и признанными классиками зарубежной историографии. В частности Жак Ле Гофф подчеркивал, что «установление контроля над воспоминанием и забвением является одной из постоянных забот классов, групп и индивидов, которые доминировали или всё еще доминируют в исторических обществах» [6]. Несколько расширяя определение французского историка и приближая его к постсоветской политической реальности, автор полагает, что подобное установление контроля обретает особую актуальность в транзитных обществах. Известный украинский историк Станислав Кульчицкий, комментируя проблемы политизации, точнее – деполитизации, истории полагает, что он «искренне уверен, что существует возможность деполитизации истории ацтеков и инков... А вот истории Украины – нет. Разве что той, что была тысячу лет назад» [7]. Таким образом, значительная часть украинских и российских интеллектуалов признает необходимость существования неполитических, нейтральных и политически корректных версий прошлого в рамках идеологически выверенных и политизированных версий написания / описания истории, хотя восточно-европейские страны от деполитизации истории крайне далеки.

Деполитизации истории, ее освобождение от политических влияний в современном мире выглядят маловероятными. Подобный процесс в большей степени имел шансы на успех... в авторитарном советском прошлом, когда в значительной степени политизированная и идеологически выверенная история обрела почти ритуальные функции, связанные с демонстрацией лояльности режиму. Демократизация в деле политизации истории не ослабила градус политической напряженности. Политические роли и функции истории в транзитных и поставторитарных обществах стали иными, нежели были до этого. Современный российский историк Н. Копосов полагает, что наиболее благоприятные условия для реализации политической роли истории имели место не в авторитарных режимах, а в XIX в., когда имел место «расцвет жанра национальной истории», а сложившиеся «национальные исторические школы соревновались между собой в искусстве политической индоктринации масс» [8]. Ситуация в современной историографии немногим отличается от той, что существовала в XIX столетии с той лишь разницей, что число акторов и стоящих за ними историографий изменилось в сторону увеличения. Распад Советского Союза и некогда единой советской исторической науки привел к появлению ряда национальных историографий, для выделения и развития которых принцип национального был первостепенным и системообразующим.

В подобной ситуации деполитизация истории является крайне сложной и непростой задачей (которая в ограниченных формах реализована, вероятно, только в Литве [9]), в реализации которой историческое сообщество неизбежно столкнется с препятствиями, связанными с наличием развитых традиций политического участия или даже служения исторической науке тем или иным режимам. «“Постнациональный” мир по-прежнему состоит из национальных государств (что не означает, конечно же, что само государство и понимание гражданства ничуть не изменились с начала века). На международной арене и во внутренней политике государства нуждаются в услугах историков» [10], – подчеркивает Андрий Портнов, указывая на неизбежность политизации исторических исследований и их интеграции в тот инструментарий, который используется государством ради достижения тех или иных политических целей.

Деполитизация истории, попытки очищения исторического знания от политического влияния на постсоветском пространстве в значительной степени затруднены не только традиционной связью национализма и исторических исследований, но и наличием советского наследия, которое с особой силой проявляется в гуманитарных науках. Отношения истории и национализма столь тесны, что английский историк Эрик Хобсбаум подчеркивает, что «историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем... Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает

ее в глазах других, а историки – это люди, которые “производят” это прошлое» [11]. Кроме этого, историки как в России, так и постсоветских странах не в состоянии в силу объективных причин достичь компромисса относительно ряда проблем, хронологически являющихся частью советского периода. Яркими примерами подобного взаимного непонимания следует признать реакцию в РФ на открытие музеев, посвященных советской истории, интерпретируемой как «оккупация».

Российское общество «Мемориал» в связи с этим подчеркивает, что «в Тбилиси и Киеве недавно открылись “музеи советской оккупации”. Это вызвало у большинства российских граждан недоумение или раздражение: в России лишь специалисты-историки знают о существовании независимой Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 гг. и о попытках создания в 1918–1920 гг. независимой Украинской Народной Республики, а также о роли Красной Армии в их ликвидации. Но в самих этих странах память об их независимом государственном существовании в XX веке, пусть исторически кратком, никогда полностью не исчезала. Вполне естественно, что сейчас там возникает стремление к переосмыслению событий 1920 и 1921 годов» [12]. Комментируя отношение к подобным процессам в России, российский историк Г. Бордюгов подчеркивает, что «история снова играет злую шутку с Россией. Все постсоветские государства – не без труда, быстрее или медленнее – освободились от советского, имперского прошлого. Мы же не нашли (или не захотели найти) способы, чтобы сделать то же самое. Поэтому и проявилась такая болезненная реакция на то, что происходило в странах СНГ и Балтии в 2005–2010 годах и получило название “Войны памяти”» [13].

Наличие подобных противоречий связано с фрагментацией исторической памятью и «выпадением» некоторых сюжетов из российской истории как не имеющих к ней отношения. Кроме этого, общий уровень развития исторических знаний и большинства российских граждан, даже – в отношении истории России, продолжает оставаться чрезвычайно низким. С другой стороны, негативное отношение в РФ к появлению музеев оккупации в постсоветских странах, которые призваны не только актуализировать образы «Другого», но и память украинцев и белорусов о государственном и политическом опыте, вызвано в современной России историческим дефицитом в деле легитимации собственно российской государственности на фоне относительно успешных (хотя и чрезвычайно спорных) попыток соседних государств.

Советская модель истории была преимущественно идеологической конструкцией. В подобной ситуации советские истории были вынуждены «давать отпор буржуазным фальсификаторам» и вне зависимости от того, «относились ли твои выводы к палеолиту или к империализму», советская историческая наука развивалась вокруг единственно доминирующей идеологии. Комментируя специфику развития советской историографии, современный российский историк П. Уваров подчеркивает, что «советские историки готовы были обвинять своих коллег сперва в меньшевизме и троцкизме, затем – в космополитизме, а позже – в структурализме и в подготовке “диверсии без динамита”; поэтому и научные статьи порой напоминали доносы, а доносы походили на научные статьи. Разоблачение врагов было атрибутом советской историографии – одни занимались этим с явным удовольствием, другие с трудом преодолевали порог брезгливости, третьи делали это не задумываясь, поскольку это стало дискурсивной практикой» [14]. Отголоски этих исследовательских практик слышны и в современном историческом сообществе, особенно – на региональном уровне, где в значительной мере сохраняется советская инерция, а неформальный уровень продолжает играть значительную роль, не уступая формализованным процедурам. Подобные практики выяснения отношений между собой еще с большей интенсивностью проявляются и в отношениях между историками постсоветских государств, где теоретические разногласия подкреплены и взаимными национальными претензиями.

Признание политизации исторического знания как неизбежного следствия развития национальных государств на постсоветском пространстве стало «общим местом» для значительной части историков. В частности армянским исследователем С. Минасяном признается, что «история, равно как исторические мифы, исторические стереотипы и исторические комплексы, играет весьма важную роль в политическом развитии всех без исключения постсоветских стран» [15]. Поэтому, любая национальная история в значительной степени подвержена мифологизации. Комментируя специфику и особенности мифологизации прошлого, российская исследовательница С. Рыжакова подчеркивает, что «национальная история и структурно, и тематически разворачивается на основе моделей, свойственных мифам, и поэтому сродни убеждениям и пристрастиям» [16]. В подобной ситуации собственно научное значение истории как формы знания размывается: история трансформируется в форму политической веры, в проявление политической и / или этнической лояльности / верности тому или иному существующему / воображаемому сообществу. На постсоветском пространстве актуализировано политическое значение исторического знания, а сама история (точнее – ее признанные и концептуально оформленные версии в соответствии с интересами правящих элит постсоветских государств) превратилась в один из составных элементов сложного механизма поддержания, укрепления и развития национальной идентичности.

Станислав Кульчицкий полагает, что «всегда существовали политики, которые понимали, что история – это очень серьезное оружие в их руках, начиная от Сталина, который контролировал всё – кинофильмы, романы, всё. Так что история практически всегда является инструментом политики» [17]. С другой стороны, политизация истории, вероятно, неизбежна в тех постсоветских странах, которые развиваются в условиях существования фрагментированного политического, интеллектуального, языкового и культурного пространства. Классическим примером подобного постсоветского государства следует признать Украину.

Политизацию истории в Восточной и Центральной Европе можно интерпретировать и в контексте постимперской истории и имперского наследия. В связи с этим российским исследователем Дм. Фурманом подчеркивается, что пространство Восточной Европы развивается не просто как постсоветское, но в большей степени как «постимперское пространство», которое было «создано Российской империей, и все те элементы сохраняющегося единства, которые есть на этом пространстве, порождены общей историей, порождены принадлежностью всех стран СНГ и стран Балтии к Российской империи и ее преемнику – СССР» [18]. Вероятно, это будет упрощением и схематизацией истории, но мы можем предположить, что значительная роль, которую играет национализм и вопросы, связанные с идентичностью в деле написания / описания истории, является не наследием советской эпохи, а далеким отголоском периода доминирования империй. Советская модель в немалой степени была основана на подавлении и игнорировании национального, его идеологизации.

Национальное (вероятно, за исключением СФРЮ) в социалистических режимах никогда самостоятельной роли не играло – в СССР, в частности, особую роль играли идеологические функции гуманитарного знания, связанные с критикой «буржуазного национализма». Современные историографии Восточной Европы от социалистического прошлого, с одной стороны, получили склонность к интеграции в политический процесс и участию в политической борьбе, что связано с традициями идеологизации истории, ее подчинения тому или иному недемократическому режиму. С другой – от более отдаленного в хронологической перспективе имперского прошлого современные страны Центральной и Восточной Европы унаследовали традиции этнического национализма, которые не могли быть преодолены даже в условиях социалистического авторитарного политического эксперимента с искусственным перекраиванием и подтягиванием государственных границ к территории проживания тех или иных этнических групп.

Комментируя специфику постсоветской независимой Украины, Андрий Портнов подчеркивает, что «в государстве, где украинский язык является единственным официальным государственным языком, внутренние паспорта выдаются на двух языках, на русском и украинском. Страна, которая, вводя свою национальную валюту, назвала ее, обращаясь к традиции Киевской Руси, “гривна”, но оставила название мелких монет “копейка”, хотя можно было легко найти название, не имеющее российских коннотаций... это страна, как известно, с одной стороны имеет памятники Степана Бандеры, деятеля националистического подполья, с другой стороны, появляются все новые памятники жертвам УПА, причем под жертвами УПА понимаются только советские граждане. И в то же самое время можно увидеть книжки, например изданные в моем родном Днепрпетровске, под названием “Националистическое подполье в годы Великой Отечественной войны”. То есть получается совмещение вещей, которые кажутся несовместимыми. И этого не становится меньше» [19].

Тем не менее украинскими историками высказываются и другие точки зрения. Вл. Гриневич, например, подчеркивает, что украинская историография все-таки оказалась в состоянии пережить процесс национализации и десоветизации, который привел к тому, что «сторонники советских мифов фактически проиграли сражение за историческую память нового поколения. Из школьных и вузовских учебников были выброшены старые совковые схемы» [20]. Доминирование подобных схем (пусть и не однозначное) свидетельствует о тех значительных переменах, которые произошли в рамках украинской историографии, ставшей не только независимой, но и порвавшей связи в некогда доминирующей в историографическом пространстве Украины фактически российской историографией. Разрыв этих связей привел к тому, что украинская наука стала не только самостоятельной, но и национально самостоятельной, то есть способной формировать свой национальный миф и национальный исторический нарратив.

Подобные интерпретации истории в РФ встречают в лучшем случае непонимание, в худшем – плохо скрываемое раздражение со стороны националистически (в советской версии) ориентированных интеллектуалов и публицистов, которые, не понимая специфики историографического процесса в Украине, склонны его примитивизировать, сводить к антирусской политике, намеренному разрушению якобы существовавшей в прошлом «великорусской нации». Комментируя специфику развития современной России, Ричард Пайпс подчеркивает, что «в конечном итоге Восточная Европа преуспела гораздо больше России в выстраивании отношений со своим коммунистическим прошлым» [21]. Россия, в отличие от других постсоветских стран, продвину-

лась по пути интеллектуальной десоветизации не столь далеко. На смену идеологическим концептам истории пришли националистические интерпретации прошлого. В современной РФ, несмотря на ее географическую близость к Украине, развиваются самые нелепые мифы об украинской историографии. Одним из новейших российских мифотворцев следует признать некоего Олега Росова, который не только пишет о фантастических открытиях, которые сводятся к тому, что «украинской нации нет», но настаивает на том, что «сегодня в Украине история стала оружием лжи на уровне государственной политики. Отказавшись от советского прошлого и облив его грязью, элита “незалежной”, нуждаясь в идеологическом обосновании легитимности собственной власти, принялась конструировать новую “национальную” историю. России – Советскому Союзу в этой “истории” отведена роль коварного демона, виновного во всех бедах, пережитых украинцами и Украиной. Украина предстает в ореоле мученичества и жертвенности (что не является уникальным, а имеет место и в других национальных историографиях [22]), ее статус как ведущей советской республики и неотъемлемой части Советского Союза превратился в статус колонии-жертвы, а советская власть представляется колониальной администрацией, обслуживавшей интересы “кровавого” оккупационного режима и московских верхов» [23]. Комментируя аналогичные процессы, связанные с формированием исторической памяти, немецкий историк Х. Вельцер подчеркивал, что «усвоение истории происходит главным образом через рассказы о страданиях» [24].

В подобной ситуации российская историография в ее националистической версии в значительной степени идентична этноцентричным интерпретациям украинской истории в самой Украине. Усилиями русских националистов Россия воображается в качестве жертвы некоего универсального антироссийского заговора, а современная Украина мифологизируется, демонизируется и превращается во врага, но эти «интеллектуальные» потуги указывают не на развитие национального и исторического воображения, а, с одной стороны, на крайне низкий уровень современной российской националистической историографии, а с другой – на ее застойный, консервативный характер и неспособность адаптироваться к новейшей историографической ситуации.

Ссылки:

1. Аймермахер К., Бордюгов Г. «Свое» и «чужое» прошлое // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов. М., 2003. С. 14.
2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. М., 2005. С. 63.
3. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческое знание и его функции // Диалог со временем. М., 2003. Вып. 10. С. 8–9.
4. О «Национальных образах прошлого» XX век и «война памяти». Обращение Международного общества «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=987> (дата обращения: 15.10.2013).
5. Дьяни Г. Образ Трианона как политический инструмент в современной Венгрии // Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012. С. 161.
6. Le Goff J. History and Memory. NY, 1992. P. 54.
7. Станислав Кульчицкий: у молодежи другой взгляд на историю [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/articles/2011/10/28/skul.html> (дата обращения: 15.10.2013).
8. Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 31.
9. Национальные истории на постсоветском пространстве: 10 лет спустя [Электронный ресурс] URL: http://www.airo-xxi.ru/projects_2008/natsionalnii_istorii_10let/istorii.htm# (дата обращения: 15.10.2013).
10. Историк. Гражданин. Государство. Опыт нациестроительства [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2010/07/07/portnov.html> (дата обращения: 15.10.2013).
11. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М., 2002. С. 332.
12. О «Национальных образах прошлого»: XX век и «война памяти». Обращение Международного общества «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=987> (дата обращения: 15.10.2013).
13. Бордюгов Г. Войны памяти. По поводу каких дат и имен мы будем воевать на историческом фронте [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/47842.html> (дата обращения: 25.04.2014).
14. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать : беседа Кирилла Кобринина с Павлом Уваровым [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/645/649/> (дата обращения: 15.10.2013).
15. Минасян С. Как Армения относится к своему прошлому: история и политик [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/01/11/armeniya/> (дата обращения: 15.10.2013).
16. Рыжакова С. Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого // Антропологический форум. № 11. С. 218.
17. Станислав Кульчицкий: у молодежи другой взгляд на историю [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/articles/2011/10/28/skul.html> (дата обращения: 15.10.2013).
18. Фурман Дм. От Российской империи до распада СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2005/10/05/furman.html> (дата обращения: 15.10.2013).
19. Упражнения с историей по-украински: итоги и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2010/08/26/portnovmsk.html> (дата обращения: 15.10.2013).
20. Гриневич Вл. Расколота память. Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. М., 2005. С. 434.
21. Пайпс Р. Россия проигрывает борьбу с прошлым [Электронный ресурс]. URL: <http://kavkaz.ge/2011/12/14/rossiya-proigryvaet-borbu-s-proshlym/> (дата обращения: 15.10.2013).
22. Копосов Н. Указ. соч. С. 52–76.
23. Росов О. Миф о «переодетых энкаведэшниках» [Электронный ресурс]. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_1994.html (дата обращения: 15.10.2013).
24. Вельцер Х. Указ. соч. С. 61.

References:

1. Aymermaher, K & Bordyugov, G 2003, "'Own" and "alien" past', *National history in the Soviet and post-Soviet states*, Moscow, p. 14.
2. Welzer, H 2005, 'History, memory and the present of the past. Memory as an arena of political struggle', in Gabovich, M (ed.), *Memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe*, Moscow, p. 63.
3. Savelyeva, IM & Poletaev, AV 2003, 'Historical knowledge and its functions', *Dialogue with time*, Moscow, issue 10, p. 8-9.
4. "National images of the past", *XX century and the "war of memories". Contacting the International Society "Memorial"* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://www.novpol.ru/index.php?id=987>>.
5. Diagne, G 2012, 'Trianon image as a political tool in modern Hungary', *Historical policy in the XXI century*, in Miller, A & Lipman, M (ed.), Moscow, p. 161.
6. Le Goff, J 1992, *History and Memory*, NY, p. 54.
7. *Stanislav Kulchytsky: young people have another view of history* 2011, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/articles/2011/10/28/skul.html>>.
8. Kopusov, N 2011, *Memory strict regime. History and politics in Russia*, Moscow, p. 31.
9. *National history in the post-soviet space: 10 years later* 2008, retrieved 15 October 2013, <http://www.airo-xxi.ru/projects_2008/natsionalnii_istorii_10let/istorii.htm#>.
10. *Historian. Citizen. State. National building experience* 2010, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2010/07/07/portnov.html>>.
11. Hobsbaum, E 2002, 'The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe', *Nations and Nationalism*, Moscow, p. 332.
12. "National images of the past", *XX century and the "war of memories". Contacting the International Society "Memorial"* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://www.novpol.ru/index.php?id=987>>.
13. Bordyugov, G 2014, *War memory. What about dates and names, we shall fight on the historical front*, retrieved 25 April 2014, <<http://www.novayagazeta.ru/politics/47842.html>>.
14. *Freedom historians while there. Anyway – have something to run: A Conversation of Kirill Kobrin with Pavel Uvarov* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/645/649/>>.
15. Minasyan, S 2011, *As Armenia relates to its past history and policies*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ru/article/2011/01/11/armeniya/>>.
16. Ryzhakova, AS 2013, 'Latvian national history: on the cultural mechanisms in the design and referee the past', *Anthropological Forum*, no. 11, p. 218.
17. *Stanislav Kulchytsky: young people have another view of history* 2011, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/articles/2011/10/28/skul.html>>.
18. Furman, D 2005, *From the Russian Empire until the collapse of the CIS*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2005/10/05/furman.html>>.
19. *Exercises with history in Ukrainian: results and perspectives* 2010, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2010/08/26/portnovmsk.html>>.
20. Grinevich, V 2005, 'Broken memory. World War II in the historical consciousness of the Ukrainian society', in Gabovich, M (ed.), *Memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe*, Moscow, p. 434.
21. Pipes, R 2011, *Russia is losing the struggle with the past*, retrieved 15 October 2013, <<http://kavkaz.ge/2011/12/14/rossiya-proigryvaet-borbu-s-proshlym/>>.
22. Kopusov, N 2011, *Memory strict regime. History and politics in Russia*, Moscow, p. 52-76.
23. Rosov, O 1994, *The myth of "disguised enkavedeshniks"*, retrieved 15 October 2013, <http://www.scepsis.ru/library/id_1994.html>.
24. Welzer, H 2005, 'History, memory and the present of the past. Memory as an arena of political struggle', in Gabovich, M (ed.), *Memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe*, Moscow, p. 61.